

ПРОЛОГ

Год 1871, Дейр-эль-Бахри

«Спаси их... Спаси...»

Эти слова бились внутри, стучали в висках вместе с пульсом.

«Спаси... Спаси...»

Она была в отчаянии, и как Джонатан ни пытался, он не мог достигнуть её, привести в чувство. Её боль граничила с безумием, обжигала, подстёгивала. Больших усилий ему стоило отстроить своё восприятие, отделить свой разум от её, чтобы хоть кто-то из них сохранял трезвость суждений.

Ночь была тихой и безмятежной, словно в противовес тому, что творилось внутри. Ярко сияли звёзды, гораздо более близкие, чем дома. Да и где теперь был этот дом? Джонатан сморгнул, сосредоточился на настоящем, стараясь не заглядывать за вуаль времени, соскальзывающую, обнажающую иной образ этих мест. За спиной

остались древние храмы, сегодня — не более чем руины, в которых с трудом можно было угадать их прежний облик. Впереди петляла среди скал едва намеченная тропа. Призрачный многоликий шёпот, когда-то пугавший его, бился о границы восприятия далёким прибоем. Те, кто обитал здесь прежде, спешили рассказать ему свои истории, ведь он умел слышать их. Но сейчас Джонатан пришёл не за этим.

Его спутники тихо переговаривались. По пути никто из них не зажигал светильники, чтобы не привлекать ненужного внимания.

Обломки известняковой породы скользили под ногами, и шёпот камней казался оглушительным грохотом. Их могли обнаружить, ведь за этим местом следили.

«Спаси...» Голос снова вторгся в его разум, изгоняя все прочие мысли, напоминая.

История с покупкой мумии была ловушкой, чётко выверенной провокацией, но не попытаться Карнаган не мог. Он использовал все свои контакты, отдал немало денег нужным людям, чтобы добыть драгоценные останки.

Крик на грани восприятия, от которого череп готов был треснуть, он помнил до сих пор — вой отчаяния, неуловимый слухом, но заставивший содрогнуться всё его существо. Тело, извлечённое из золочёного саркофага, было переправлено через множество рук, прежде чем попало к нему, но...

Вмятое в череп некогда прекрасное лицо, которое он чужой памятью помнил живым и величественным. Изыщные руки, сжимавшие поводья коней боевой колесницы, — пальцы, разделённые на отдельные фаланги, словно рассыпанные причудливые бусины. Тело — расколотый сосуд, в котором не доставало большей части фрагментов. Останки были не просто повреждены, а осквернены, и как Джонатан понимал — осквернены целенаправленно.

Кольцо времён. Путь Упуата

Выманить её... нет — их обоих. Заставить действовать бездумно, опрометчиво.

В другое время *она* бы поняла, прислушалась к нему, согласилась выждать. Дала бы ему время подготовиться всё, как нужно. Джонатану не хватало совсем немного для сокрушительного удара, который прервёт цепочку роковых событий.

Потеря, казалось, надломила её, подточила её Силу. Ему даже начало казаться, что вернулись безумие и ярость, с которыми он когда-то столкнулся впервые.

«...Правый глаз Его — Солнце, и левый — Луна. И когда ослеплён Он, то карает грузей своих, принимая их за врагов... И в глухой ночи оживают Тени, и творятся дела лжи и истины. Ложь погменяет истину, и истина — ложь ...»

Разве не того добивался *Кахин*?¹ Готовился к открытому противостоянию. Время игр разума закончилось. Покров тайны вот-вот будет сорван. Оставалась какая-то пара шагов...

Но *она* не могла ждать. Что ж, ради *неё* он должен был попытаться. Будь что будет. Даже если это окажется новой ловушкой — ему будет что противопоставить людям *Кахина*. И сам он больше не станет скрываться. Нечасто тебе дарована роскошь выбирать время для решающей битвы. Но зато место, где эта битва состоится, Джонатан Стоун, лорд Карнаган, знал.

Тропа привела к зияющей черноте грота, замаскированного так тщательно, что не зная он точного местоположения — даже не догадался бы свернуть и заглянуть сюда. Обломки горной породы и песок были расчищены, но разглядеть это можно было не сразу среди скал, изрезанных пустотами, рукотворными и природными.

¹ *Кахин* — по-арабски жрец, оракул, провидец.

Они остановились у края. Теперь без света было не обойтись. Отвесная шахта уходила в глубину, боги знают на сколько метров. Уже не раз Джонатан успел подумать, что лучше бы предпринял это путешествие днём, но такой роскоши у него не было.

Он бросил вниз небольшой камешек — точно в глубокий колодец. Нет, вроде бы не настолько глубоко, судя по звуку... Люди *Кахина*, скорее всего, использовали ледбёдку. Карнаган с трудом мог представить себе, как бы они карабкались из тайника со всем добром. Он даже устройство этой гробницы представлял себе смутно — в его распоряжении была только грубо нарисованная схема без точных мер, да и эта, с позволения сказать, карта досталась ему большой кровью.

Шахта, небольшой прямой проход, затем коридор, уходящий вверх, глубоко в тело скалы. Как далеко ему нужно пройти, Джонатан тоже не знал — *она* должна была подсказать, хотя эту гробницу строили совсем в другую эпоху, многим позже правления её семьи. Так *она* говорила, пусть время и было для неё лишь условностью.

Воображение рисовало ему прекрасные яркие рельефы на стенах, несметные сокровища, за которые с лёгкостью убивали. Желание увидеть всё своими глазами пересилило даже страх — вполне рациональный — свернуть себе шею при спуске. Когда это закончится, он обязательно вернётся сюда, чтобы сделать записи и зарисовать хотя бы в силу своих умений.

Сопровождавшие его люди были надёжными, работали на него давно, а всё же, когда они под руководством Джонатана укрепляли верёвки, промелькнула шальная мысль: останутся ли они с ним до конца? Не испугаются, не бросят ли здесь?

Какие Боги могли помочь благополучно пережить эту ночь?

Упуат, проводник душ...

Кольцо времён. Путь Упуата

Меретсегер...

Джонатан обернулся, окинул взглядом скалы некрополя, потом посмотрел вверх, на россыпи вечных звёзд, светивших когда-то для неё. Коротко вздохнув, он начал спуск, стараясь не думать о глубине шахты и даже о том, что ждало внутри. Сосредоточиться на каждом мгновении, отсчитанном стуком сердца, на каждом небольшом движении, потому что если хоть одно движение будет неверным...

«Упуат, Открывающий Пути, проведи меня к цели. Не ради себя прошу, ради тех, кого нужно спасти...»

Показалось, или силы в руках словно бы стало больше, а чёрный зев гробницы уже не вызывал головокружительный трепет? Впрочем, после всего пережитого испугать его, наверное, не могло уже ничто.

«Меретсегер, ослепи моих врагов...»

Эту фразу Джонатан в самом деле повторял так часто, что в итоге нанёс её не только на страницы дневника — на предплечье, как вечное напоминание. Оберег. Что за шальная мысль побудила его сделать это когда-то? Наверное, дело было в том случае, когда он впервые увидел проклятое Око... Око, переставшее быть защитным символом...

Ослепи моих врагов...

Некстати вспомнилась та первая встреча. Первое обнаруженное тело. Изуродованное лицо — рот, развернутый в безмолвном крике, пустые глазницы и воск. Печать. Символ.

А ведь он думал, что мадам Анабель погибла при пожаре... Как же многого он не знал тогда, в тот роковой вечер, который должен был стать триумфом отца.

Тёмный зев шахты заглатывал его, шаг за шагом. Осторожно Джонатан продвигался вниз. Светильник он укрепил на поясе и намеревался зажечь только внизу, когда придёт время искать проход.

В следующий миг над головой прогремел выстрел. Потом ещё один. Зазвенели в ночи встревоженные крики.

С возгласом Джонатан рухнул вниз. Страхующие верёвки рывком впились в плоть. Прожигая ладони, он остановил падение, но больно ударился спиной об один из выступающих камней. Сердце стучало где-то в горле, и руки дрожали от напряжения. Беспомощно Карнаган завис между невидимым дном и клочком звёздного неба, проглядывающего в колодце шахты. Что творилось наверху, он не видел, хотя нетрудно было догадаться — их всё же нашли.

Ещё один выстрел. Истошный крик. Чьё-то тело, точно куль, рухнуло в шахту, чудом не зацепив Джонатана. В темноте он не разглядел, был это враг или друг.

Рука нащупала револьвер, укреплённый на поясе, с другой стороны от светильника. Карнаган мог бы воспользоваться *иным* своим оружием, заставить всех их бежать — и своих, и чужих. Заставить забыть не только зачем они пришли, но и кем они вообще были...

Джонатан коротко покачал головой, отбросив соблазнительную мысль. Рискаю в спешке свернуть себе шею, он заскользил вниз — быстро, насколько мог.

Ноги коснулись спасительной каменистой земли. Где-то рядом остался труп. Отвязав страховку, Карнаган привалился к стене, позволил себе отдышаться и вскинул голову. Там, наверху, шёл невидимый бой, и вечные звёзды словно насмеялись своей безмятежностью. Он оказался в ловушке, но не собирался отдавать свою жизнь дёшево. Пусть рискнут спуститься...

Зажигать светильник сейчас было слишком опасно. Ощупью он нашёл начало замаскированного прохода, уходящего в тело скал. Отсюда уже было очевидно — этим путём ходили не раз, а ход был завален ровно настолько, чтобы им можно было воспользоваться в любой удобный момент.

Кольцо времён. Путь Упуата

«Меретсегер, ослепи моих врагов», — беззвучно шептал он, проползая внутрь.

«Спаси... спасайся...» — её шёпот был измученным и тихим. Сейчас уже иные голоса вторглись в восприятие Карнагана далёким нарастающим прибоем. Привычно он заслонился, отстраивая восприятие, чтобы не кануть в видения чужой памяти. Первый проход пришлось преодолевать ползком, ощупывая шершавые слоистые стены. Звуки боя остались за спиной — древняя гробница поглотила всё.

В какой-то момент он сумел распрямиться, тут же ударился головой о низкий потолок и выругался, совсем не как подобало джентльмену. Да, лучше всё же было зажать светильник.

Трепещущий язычок пламени хоть немного разогнал древние тени, и Джонатан огляделся. Никаких росписей ослепительной красоты, которые уже успело нарисовать воображение. Он оказался в пещерах, которые даже не вполне походили на рукотворные. Словно некоему неведомому зверю угодно было выгрызть себе проход, а до шлифовки стен, пола и потолка монстру, очевидно, не было никакого дела.

Камни под ногами крошились и предательски скользили. Карнаган спотыкался, пару раз падал, но успевал вовремя схватиться за стену, чтоб хотя бы уберечь фонарь. Оказаться здесь в полной темноте было перспективной безрадостной. Хотя куда он шёл и зачем?..

Взгляд выхватывал какие-то ниши, проходы, заваленные беспорядочно разбросанной утварью, ведущие в никуда. Основной проход — путь неведомого зверя — шёл под углом вверх. Джонатан растерянно огляделся. Совсем не так он представлял себе гробницу, последнюю обитель десятков властителей древности. Это место скорее походило на склад... притом на склад, за которым

очень плохо следили. Но здесь были те, кого он мог призвать, чей гнев мог обрушиться на врагов... спасти тех своих людей, кто ещё уцелел...

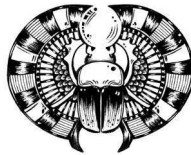
В следующий миг Карнаган понял, что не один здесь. Звук шагов доносился сразу отовсюду, отдаваясь дрожью в позвоночнике. Джонатан давно уже отвык бояться. Ему ли было бояться после всего увиденного, после того как он неотрывно смотрел в бездну неведомого? Но эта тяжёлая поступь приносила с собой позабытый липкий страх... и казалось, древние мертвецы отвели взгляды от Джонатана, незваного гостя новой эпохи, и обратились к тому, другому...

Слух едва улавливал приглушённый скрип и скрежет. Разум был надёжно защищён от многоголосого хора шепотков. Стук собственного сердца казался оглушительно громким.

Древние мертвецы вдруг замолчали, и даже *она* как будто замерла...

Огонёк светильника дрогнул, как от порыва ветра, и испуганно погас. Но ещё прежде Джонатан Карнаган успел различить силуэт, сотканный из теней гробницы и выросший в проходе перед ним. А потом его разум взорвался оглушительным воем:

«Анх-Джесер!»

ГЛАВА 1

НЕДОБРЫЕ ВЕСТИ

Год 2019, Каур

Он не мог оторвать взгляд от тонкой золотой строчки, змеящейся по коже салона цвета шампань, словно пересчитывал стежки.

Мир по ту сторону тонированного стекла был погружён в сумерки — тонкая грань между сном и смертью. Даже солнце, немилосердно палящее, поблекло. По спине пробегал озноб, и вряд ли виной тому был ласковый бриз кондиционера.

Предупредительный водитель белого «Бентли Континенталь» был не арабом, а европейцем. Точнее сказать было трудно — с гостем он разговаривал мало, зато на ломаном русском. Уточнить маршрут не требовалось — куда везти, водитель и так прекрасно знал.

На *Кахина* работали самые разные люди. И теперь он пополнил их число...

Египтолог тряхнул головой, пытаясь выпутаться из липкой паутины тяжёлых мыслей и страха, который стал его постоянным спутником в эти пару дней. Всего два-три дня... и жизнь изменилась в корне. Никаких открытых угроз — лишь учтивые разговоры, разумные объяснения, как надлежит поступить. Очень настойчивые объяснения, с которыми просто невозможно было не согласиться.

И вот теперь он, одетый в подаренный гостеприимным хозяином шикарный костюм — ведь господин учёный не знал, что будет гостить там несколько дней, и ему нужна смена одежды? — ехал в не менее дорогом авто домой.

Домой ли?..

Если всё делать правильно, из всего этого можно извлечь пользу, и обе стороны будут чрезвычайно довольны соглашением. Так ему объяснили. Его предшественник был менее сговорчив, но что поделать, ведь не всем достаёт мудрости? Не все понимают, что с некоторыми силами лучше быть союзниками, чем бросать бессмысленный вызов. Зачем? Ради чего терять золотое будущее?

Египтолог постарался сосредоточиться на том, что беспокоило его в данный момент даже больше собственной дальнейшей судьбы. Как там бедняга Говард Картер? Да, Борька всегда оставлял кондиционер на автомате, иначе пёс бы просто задохнулся в каирской жаре. Но без воды, без еды почти трое суток для пса — целая вечность...

Страшно было думать о том, что он обнаружит, когда вернётся. Борька сдёрнул очки и зло протёр глаза, в которых предательски защипало. Глупо, наверное. Тут бы самому выжить, а не пса оплакивать. Да только пёс был единственным родным существом в этом городе, во всей его новой жизни. Конечно же, работа в Каире была его детской мечтой, самой настоящей, к которой он шёл годы. Но при переезде пришлось отказаться от много-

го. Всё имело свою цену. Зато, возвращаясь в квартиру, ставшую его новым домом, Николай Боркин всегда знал точно — там его ждут. Верный забавно хрюкающий друг, ленивый, постоянно голодный, но такой добродушный, родной. А теперь Борька вяпался по самые уши в такую историю, из которой, наверное, никогда не выберется. Много людей пострадало — он знал. Но люди-то хоть выбирали, так или иначе, куда вмешивались. А вот бульдог был виноват только тем, что жил с Боркиным.

Впрочем... Да, *если всё гелать правильно*, он не только выживет...

Оставалась робкая надежда, что *Кахин* прислушался к его просьбам, когда велел своим людям тщательно осмотреть Борькину квартиру. Николай сам отдал ключи. Ему обещали защиту и безопасность — в обмен на сотрудничество. Но что для них пёс? А если захотят припугнуть? Никаких угроз — просто обозначить, что может произойти, если Николай Боркин перестанет быть разумным и понимающим партнёром.

Борька накручивал себя и совсем потерял счёт времени. Сколько они вообще ехали? Когда «Бентли» плавно остановился, египтолог не удержался и дёрнул заблокированную ручку двери. Водитель невозмутимо глянул на него через зеркало заднего вида, вежливо улыбнулся и вышел, чтобы открыть перед ним дверь.

— Мы приехали, господин Боркин, — сказал мужчина по-русски с тем же тяжёлым акцентом. — Приятного вечера.

— И вам того же, — хмуро ответил Николай, не веря, что его отпустили... а точнее, просто чуть ослабили поводок.

Темнота, подсвеченная золотистыми отблесками из окон, кралась по тихим дворикам и улочкам. Раньше они Борьке очень нравились, но сейчас казались зловещими — может, просто из-за всех тех мыслей, которые одолева-